У
С 28

3

Л. Сѣдовъ.

ДИТЯ и ДИКАРЬ.

МОСКВА.
Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименов. ул., соб. домъ.
1901.

Оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія".

Дитя и дикарь.

Дитя во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ дикаря. Съ этою мыслью очень часто приходится встрѣчаться и въ ученой литературѣ, и въ обыденной жизни. Она не была чужда и древнимъ писателямъ: ее высказывали Лукрецій, Витрувій, Діодоръ и др. У новѣйшихъ писателей сходство дитяти съ дикаремъ ставится въ связь съ идеей эволюціи: «Дитя,—говоритъ Паола Ломброзо въ своихъ *Этюдахъ по психологіи дѣтства*,—представляетъ сжатую синтетическую картину всѣхъ стадій эволюціи человѣка». Въ своемъ введеніи къ этой книгѣ проф. Ц. Ломброзо называетъ дѣтство «интереснымъ міромъ, въ которомъ мы встрѣчаемся съ отблесками первобытнаго человѣка: ихъ можно замѣтить и въ характерѣ умственнаго развитія, и въ характерѣ эмоцій, и въ импульсивности, и въ преобладаніи фантазіи надъ разумомъ».

Но аналогія между ребенкомъ и дикаремъ представляется болѣе полной при первомъ взглядѣ, чѣмъ при внимательномъ отношеніи къ дѣлу. Если всмотрѣться ближе, то окажется, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ребенокъ стоитъ выше дикаря, въ другихъ—наоборотъ. Установленіе аналогіи много затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что ни характеръ ребенка, ни характеръ дикаря не представляютъ чего-либо однообразнаго и однороднаго. «Наиболѣе первобытные дикари,—говоритъ Топинаръ,—отличаются другъ отъ друга по характеру, наклонностямъ и привычкамъ, въ зависимости отъ большей или меньшей

трудности условій своего существованія, въ зависимости отъ большаго или меньшаго соприкосновенія съ другими людьми, дикарями или европейцами, благопріятно или отрицательно вліяющими на ихъ характеръ». И у дикарей, и у ребенка встрѣчается, въ самыхъ различныхъ комбинаціяхъ, множество и симпатичныхъ, и отталкивающихъ чертъ. По отношенію къ однимъ дѣтямъ возможна параллель съ такими чертами дикарей, которыя являются лучшими свойствами расы: абсолютная правдивость, честность, невинность и наивность, добросердечіе, преданность товариществу и т. д. Но на ряду съ этимъ можно указать и у дикарей, и у дѣтей прямо противоположныя общія черты: жестокосердіе, разрушительныя наклонности, лживость и т. п. Какъ говорятъ о типахъ дѣтскаго характера, такъ, повидимому, можно говорить и о расовыхъ типахъ, воплощающихся въ различныхъ племенахъ дикарей. Къ сожалѣнію, мы еще очень мало знаемъ по этому вопросу. Если изученіе психологіи дѣтскаго возраста является еще очень молодой дисциплиной, если и въ этой области сдѣланы пока только первые шаги, то еще меньше сдѣлано для знакомства съ психологіей примитивныхъ расъ. Наблюденія надъ ними еще труднѣе, чѣмъ наблюденія надъ дѣтьми. Лучшимъ средствомъ, чтобы подойти къ душѣ дикаря, является то же, какое необходимо для подхода къ дѣтской душѣ. «Полное довѣріе, товарищеское обращеніе, отсутствіе лукавства и обмана, симпатическое отношеніе къ обычаямъ, привычкамъ, предразсудкамъ и суевѣріямъ, тщательное устраненіе всего, что могло бы оскорбить, проявленіе искренняго интереса ко всему, дѣйствительно важному въ жизни дикаря, являются паролемъ, открывавшимъ путешественникамъ истинно-научнаго направленія доступъ къ тайникамъ истинныхъ мыслей и дѣйствій дикаря; тотъ же ключъ открываетъ и двери дѣтской души» (Чемберленъ) [1]. Но наблюдателей, пользу-

[1]) Нижецитированное сочиненіе, стр. 293.

ющихся такого рода ключомъ, очень мало. Большинство подходитъ къ дикарямъ съ предубѣжденіемъ, составляетъ скороспѣлыя обобщенія на основаніи немногихъ и при томъ ложно истолкованныхъ фактовъ. Поэтому къ показаніямъ о свойствахъ характера дикарей приходится относиться съ большею осторожностью, особенно если эти показанія даются случайными путешественниками, безъ надлежащей научной подготовки, или купцами, относящимися безъ всякаго интереса къ вѣрованіямъ и учрежденіямъ дикарей, или, наконецъ, миссіонерами, которыхъ отталкиваютъ религіозныя идеи и обычаи дикарей. Такихъ же цивилизованныхъ людей, которые бы долго прожили среди дикарей и съ симпатіей относились къ нимъ, очень немного. Но они все-таки есть, и изъ ихъ сочиненій можно извлечь довольно значительный матеріалъ для освѣщенія интереснаго и мало разработаннаго вопроса объ аналогіи между дикаремъ и ребенкомъ. Это между прочимъ и попытался сдѣлать американскій профессоръ *Чемберленъ* въ своей книгѣ *Дитя, этюдъ по эволюціи человѣка* [1]). Авторъ отличается громадною начитанностью (библіографическій указатель содержитъ 696 названій). Матеріалъ, собранный Черберленомъ, заключается во множествѣ выдержекъ изъ сочиненій по общимъ психологическимъ вопросамъ и изъ спеціальныхъ работъ. Этимъ выдержкамъ придана нѣкоторая внѣшняя систематичность, но часто именно только внѣшняя, такъ какъ содержаніе рубрикъ не всегда соотвѣтствуетъ заголовкамъ, и данныя по интересующему вопросу приходится разыскивать по всей книгѣ. Но самый матеріалъ, собранный Чемберленомъ,—хотя онъ и представляется въ значительной степени сырымъ,—является очень интереснымъ, и мы позволяемъ себѣ подѣлиться имъ съ читателемъ.

Остановимся прежде всего на *интеллектуальной* жизни

---

[1]) The *Child*. A study in the Evolution of Man, by Alexander Francis *Chamberlain*, M. A., Ph. D. 495 pp. London, 1900.

ребенка и дикаря, при томъ сперва на томъ, *какъ* мыслятъ они, а потомъ на *содержаніи* этихъ мыслей.

Прежде чѣмъ думать надъ чѣмъ-нибудь, необходимо имѣть достаточный матеріалъ, доставляемый наблюденіемъ. Богатство же наблюденій зависитъ не только отъ умѣнія, но и отъ охоты наблюдать, отъ живости того *интереса*, который возбуждается въ человѣкѣ окружающимъ его міромъ. Вопросъ о степени этого интереса, даже простого любопытства къ новымъ явленіямъ у дикаря представляется не вполнѣ выясненнымъ.

Нѣкоторые изъ наблюдателей жизни дикарей (въ томъ числѣ извѣстный натуралистъ Бэтсъ) увѣряютъ, что у нихъ совершенно отсутствуютъ любопытство и всякій интересъ къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, за исключеніемъ интереса къ пищѣ и питью. Чемберленъ видитъ въ такомъ мнѣніи преувеличеніе, но склоненъ все-таки признать долю истины въ утвержденіи Спенсера, что у дикаря мало интереса ко всему новому. Если это справедливо, то дикарь въ этомъ отношеніи значительно ниже дитяти, любопытство котораго вошло въ поговорку.

Но едва ли однако мнѣніе о подавленности общаго тона психической жизни дикаря, какомъ-то идіотическомъ безразличіи ко всему справедливо по отношенію ко всѣмъ дикарямъ. Даже по отношенію къ низшимъ изъ нихъ приходится сдѣлать извѣстныя оговорки. Тѣ же, напримѣръ, южно-американскіе индѣйцы, по поводу равнодушія которыхъ ко всему новому существуетъ такъ много разсказовъ, всего чаще изображаютъ на своихъ рисункахъ не старое, а, напротивъ, новое, а именно—бѣлаго человѣка и введенныхъ имъ въ пампу пѣтуха и быка. Мнѣнію о недостаткѣ интереса къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ противорѣчитъ также острая наблюдательность дикарей, особенно сказывающаяся въ ихъ рисункахъ. Послѣдніе бываютъ подчасъ удивительно вѣрны природѣ, представляя въ этомъ отношеніи разительный контрастъ рисункамъ дѣтей, очень мало или даже совершенно не воспроизво-

дящимъ дѣйствительности. Необычайная наблюдательность дикаря, острота его зрѣнія, тонкость слуха и т. д. принадлежатъ, конечно, къ числу наименѣе оспариваемыхъ качествъ его, и по умѣнію наблюдать дикарь безконечно превосходитъ не только ребенка, но и взрослаго культурнаго человѣка безъ спеціальной научной подготовки. Очень краснорѣчивыми свидѣтелями въ пользу наблюдательности дикарей являются словари ихъ языка, поражающіе необычайнымъ изобиліемъ техническихъ выраженій, передающихъ, напримѣръ, каждый оттѣнокъ того или другого движенія. А чтобы подмѣтить эти оттѣнки, несомнѣнно необходима была тонкая наблюдательность. По словамъ патера Мориса, составителя словаря одного изъ индійскихъ нарѣчій, ему въ своемъ словарѣ для передачи одного глагола «двигаться» пришлось дать очень много индійскихъ глаголовъ. Въ каждомъ данномъ случаѣ по-индійски необходимо употребить спеціальный терминъ, смотря по тому, «происходитъ ли движеніе на двухъ или четырехъ ногахъ; плавно или скачками; нетвердымъ шагомъ, какъ двигается пьяный человѣкъ, или съ помощью палки; ползущее ли это движеніе, какъ у улитки, или прыгающее, какъ у лягушки; двигается человѣкъ вплавь или на лодкѣ; бѣжитъ ли онъ весело или въ бѣшенствѣ; свиститъ ли онъ или разговариваетъ во время ходьбы, поетъ или ворчитъ, смѣется или вздыхаетъ; ѣдетъ ли онъ на саняхъ или на лодкѣ» и т. д., и т. д. Есть отдѣльныя слова для движенія лодки, солнца, звѣздъ, облаковъ, вѣтра, снѣга, дождя, воды, земли, отдѣльныя для движенія вытянутыхъ и округленныхъ тѣлъ, тяжелыхъ или легкихъ, жидкихъ и пластичныхъ, зернистыхъ, массивныхъ, мягкихъ и т. д. Для глагола «класть» въ словарѣ патера Мориса имѣется свыше 3.000 выраженій.

Дикари обычно являются прекрасными наблюдателями и знатоками природы. По словамъ проф. Мэсона, дикари во всѣхъ областяхъ Сѣверной и Южной Америки «знаютъ все наиболѣе пригодное для любой цѣли: лучшій матері-

алъ для одежды, лучшее дерево для лука, для копья, для стрѣлы и т. д. Можно только удивляться богатству выраженій, существующихъ для различныхъ формъ животной жизни и для различныхъ частей тѣла животныхъ». По наблюденіямъ д-ра Гектора, маори прекрасно знакомы съ естественной исторіей Новой Зеландіи. «Старшіе маори знаютъ и различаютъ по названіямъ почти всѣ растенія своей страны, при томъ не только тѣ, изъ какихъ можно извлечь какую-нибудь пользу. Тѣ же названія растеній, какія встрѣчаются въ Новой Зеландіи, можно встрѣтить лишь слегка видоизмѣненными вездѣ въ Полинезіи, на протяженіи тысячи миль». О ново-шотландскихъ индійцахъ д-ръ Рандъ говоритъ: «Они изучили ботанику по книгѣ природы. Они знаютъ названія всѣхъ деревьевъ и кустарниковъ, всѣхъ полезныхъ растеній и кореньевъ своей страны». «По своему знакомству съ природой, индійцы,—замѣчаетъ д-ръ Мэтьюзъ, близко знающій индійцевъ по личному опыту,—несравненно выше бѣлаго человѣка, конечно, за исключеніемъ тѣхъ изъ бѣлыхъ, кто спеціально занимается изученіемъ ботаники или зоологіи».

Какимъ же образомъ дикари и дѣти *распоряжаются матеріаломъ*, доставленнымъ имъ наблюденіемъ?

Въ этомъ отношеніи между дикарями и дѣтьми существуетъ больше сходства, чѣмъ относительно наблюдательной способности тѣхъ и другихъ.

И дикари, и дѣти мало уясняютъ себѣ необходимость возможно полной *индукціи*, они постоянно грѣшатъ противъ закона достаточнаго основанія. Д-ръ Бринтонъ указываетъ какъ на черту, повсемѣстно распространенную среди дикарей (хотя она довольно часто встрѣчается и въ цивилизованномъ обществѣ), на признаніе идеи вѣрной безъ надлежащаго логическаго размышленія, безъ достаточно полнаго наблюденія. Доходитъ даже до того, какъ отмѣтилъ фонъ-денъ-Штейненъ для бразильскихъ дикарей, что дѣйствительность смѣшивается съ грезами сновидѣній. То же можно замѣтить и въ проявленіяхъ дѣтской мысли.

И у дѣтей, и у дикарей часто бываютъ *предвзятыя идеи*, такъ что и судятъ они тогда, отправляясь отъ этихъ идей, а не отъ фактовъ. Затѣмъ необыкновенно распространенъ среди тѣхъ и другихъ пріемъ сужденія по *аналогіи*. Одинъ изъ примѣровъ такого рода сужденія отмѣчаетъ сэръ Джонъ Леббокъ. «Не ѣшь такъ много гуся,— сказала маленькая дѣвочка своему брату, а то ты станешь очень злымъ». И, вѣроятно, найдется очень мало дѣтей, добавляетъ Леббокъ, которымъ этотъ выводъ покажется незаконнымъ. Между такого рода дѣтскими умозаключеніями и различными суевѣрными представленіями дикарей о вліяніи пищи на характеръ человѣка можно провести полную параллель.

Въ связь съ сужденіями на основаніи крайне неполной индукціи можно поставить замѣчаемое у дѣтей и дикарей *смѣшеніе живого съ неживымъ*, оживотвореніе ими мертвой природы. Но и въ этихъ несовершенныхъ сужденіяхъ все-таки сказывается работа мысли, постепенно пріучающейся къ размышленію и критикѣ. «Когда ребенокъ и дикарь,—говоритъ Паола Ломброзо,—принимаютъ эхо за голосъ живого существа, изображеніе въ зеркалѣ— за отдѣльно существующую личность, приписываютъ жизнь движущейся соломѣ и т. д., они этимъ не доказываютъ еще своей глупости; они просто не знаютъ, не могутъ представить себѣ ряда причинъ и слѣдствій, отличныхъ отъ тѣхъ, какія они наблюдаютъ каждый день. Позже, когда имъ удастся пронаблюдать большее число предметовъ и фактовъ, въ нихъ разовьется и способность къ умозаключенію, и критическое чутье».

Къ тѣмъ же ошибкамъ мысли, зависящимъ отъ неполноты наблюденій, можно отнести замѣчаемое у дѣтей *смѣшеніе вещи съ ея названіемъ*, признаніе за названіемъ одного изъ непремѣнно присущихъ вещи свойствъ. Если первая кухарка, какую узналъ ребенокъ, называлась Дарья или Марья, то онъ легко умозаключаетъ, что и всѣ кухарки—Дарьи или Марьи. «8-милѣтняя дѣвочка,—

разсказываетъ д-ръ Фр. Полле,—спрашивала: «Знаютъ ли обитатели Венеры, что они живутъ на Венерѣ?» Мальчуганъ допрашиваетъ мать: «Мама, знаютъ ли животныя свои имена?.. я радъ, что не знаютъ, а то какъ бы стыдно стало быку, ослу и обезьянѣ, если бы они узнали, какъ они зовутся». «Въ параллель съ этимъ можно поставить, — говоритъ тотъ же Полле,—наивные вопросы крестьянъ, допрашивающихъ астрономовъ, какъ они узнали названія звѣздъ? Сюда же относится и такой, напримѣръ, пассажъ. Австрійскій крестьянинъ заспорилъ съ венгерцемъ и итальянцемъ относительно звучности и другихъ свойствъ ихъ родныхъ языковъ. Наконецъ, онъ соглашается, что и другіе языки могутъ быть достаточно красивы, но не могутъ быть также точны. Вотъ доказательство: «Что въ этомъ стаканѣ?» Итальянецъ и венгерецъ называютъ воду на своихъ нарѣчіяхъ. «Недурно. А по-нашему это «Wasser». И замѣтьте, это не только называется «Wasser», а и есть «Wasser» на самомъ дѣлѣ!» Смѣшеніе вещи съ ея названіемъ выступаетъ здѣсь съ полною очевидностью.

Среди дикарей такое смѣшеніе, повидимому, не такъ распространено, какъ среди тѣхъ крестьянъ, которымъ приходится жить безъ соприкосновенія съ міромъ, лежащимъ за ихъ околицей. При бродячемъ образѣ жизни, при заключеніи брачныхъ союзовъ съ женщинами другихъ племенъ, дикарь легко можетъ допустить, что вода можетъ называться и другимъ именемъ, а не тѣмъ только, какое существуетъ въ его родномъ языкѣ. Но все-таки и среди дикарей довольно распространена идея о неразрывной связи между предметомъ и его названіемъ. Отчасти въ связи съ этимъ стоитъ, быть можетъ, вѣра въ магическую силу слова,—вѣра такъ распространенная и среди дѣтей, и среди дикарей, и среди простонародья (а часто и за его предѣлами).

Не особенно развита у дѣтей также *способность къ координаціи* мыслей и *къ отвлеченію*. Нѣкоторые изъ

изслѣдователей склонны видѣть полное въ этомъ отношеніи сходство между характеромъ мыслительныхъ процессовъ дѣтей и дикарей. Такъ, извѣстный психологъ Тардъ говоритъ о полномъ сходствѣ дѣтей и дикарей другъ съ другомъ въ томъ, что «въ полѣ ихъ сознанія могутъ одновременно уживаться самыя противоположныя идеи, и они нисколько не стараются согласовать ихъ однѣ съ другими... Негръ скорѣе комбинируетъ, чѣмъ координируетъ свои мысли».

Мысль дѣтей первое время является безкрылой, она не можетъ подняться надъ землей, не можетъ отвлечься отъ конкретныхъ впечатлѣній. Если въ первые годы жизни ребенка и создаются извѣстныя отвлеченія, то обобщающимъ признакомъ, заставляющимъ подвести подъ одну рубрику различные предметы, являются не объективно установленныя общія свойства, а ассоціаціи однородныхъ субъективныхъ ощущеній, большею частью однородныхъ пріятныхъ или непріятныхъ волненій. «Хорошо» для ребенка въ первое время то, что сопровождается пріятными ощущеніями. Такія же эмоціональныя обобщенія остаются достояніемъ примитивныхъ дикарей на всю жизнь. Всѣмъ извѣстно опредѣленіе дикаремъ «хорошаго» и «худого»: «хорошо»—если я укралъ корову, «худо»—если у меня украли.

Что же касается чисто логическихъ отвлеченій, то отвлеченія, приближающіяся къ общимъ идеямъ, едва ли могутъ образоваться у дѣтей ранѣе 6—7 лѣтъ. Но зачатки ихъ, быть можетъ, можно отмѣтить и раньше. Приводимые Прейеромъ примѣры: «новый папа» для обозначенія дяди, или «вава», которымъ 11-тимѣсячный мальчикъ называлъ собаку, бабочку, дуновеніе вѣтра, громъ, указываютъ на нѣкоторые зародыши обобщающей мысли.

Замѣчательная наблюдательность у дикарей, особенно низшихъ дикарей, сопровождается значительнымъ безсиліемъ мысли въ области отвлеченія. Туземцы Мадагаскара

(стоящіе давно не на низшихъ стадіяхъ человѣческаго развитія) различаютъ 20 разновидностей способа разрастанія бычачьихъ роговъ и имѣютъ особыя названія для каждой изъ этихъ разновидностей, и въ то же время ихъ система счета поражаетъ своею примитивностью, свидѣтельствуя этимъ о малой способности населенія къ отвлеченной мысли. Крайне конкретная наблюдательность, выдѣленіе подчасъ самыхъ мелочныхъ подробностей мѣшаетъ процессу обобщенія, не даетъ за отдѣльными деревьями видѣть лѣса.

Интересныя указанія въ этомъ отношеніи даютъ словари дикарей, съ ихъ массой частныхъ понятій и отсутствіемъ общихъ. Даже у такихъ сравнительно высоко стоящихъ дикарей, какъ полинезійцы острововъ Товарищества, есть отдѣльныя слова для обозначенія «хвоста собаки», «хвоста птицы», «хвоста барана» и т. д. и нѣтъ слова хвостъ вообще. Выше мы приводили уже примѣръ одного изъ индійскихъ нарѣчій съ его безконечнымъ множествомъ выраженій для передачи отдѣльныхъ оттѣнковъ глагола «двигаться» или «класть». Общихъ же выраженій «двигаться» или «класть» тамъ не существуетъ. Нѣкоторые изъ изслѣдователей склонны видѣть въ этомъ, впрочемъ, не доказательство слабости абстракціи, а лишь необычайную точность выраженія даннаго народа. Существованія точности и не приходится отрицать. Но если бы она сопровождалась также и силою абстракціи, то слова для выраженія общихъ понятій едва ли отсутствовали бы въ языкѣ.

Иногда однако и мало развитое племя проявляетъ способность къ интереснымъ обобщеніямъ. Такъ, готтентоты, у которыхъ, благодаря сношеніямъ съ европейцами, существовало уже слово зеркало—«*nadi*», познакомившись съ процессомъ чтенія европейцами книгъ, назвали книгу тоже *nadi*. Для поясненія они прибавили еще слова *ot'heeta* — «для рѣчи», въ отличіе отъ *nadi ok'hangeela*—«зеркало, чтобы смотрѣться въ него». Это

«зеркало рѣчи»—счастливая аналогія, указывающая на извѣстную способность къ отвлеченной мысли.

Слабость способности къ отвлеченію проявляется въ системѣ *счета* малолѣтнихъ дѣтей и первобытныхъ дикарей. И тѣ, и другіе нуждаются для счета въ извѣстныхъ физическихъ ощущеніяхъ, почему и прибѣгаютъ къ помощи пальцевъ.

«Примитивнымъ методомъ счета, повидимому, всеобщимъ во всѣ времена, является методъ счета при помощи пальцевъ,—говоритъ проф. Леви Конантъ.—Каждое дитя, начиная считать, инстинктивно перебираетъ пальцы. Они служатъ для него какъ бы счетными палочками для тѣхъ маленькихъ чиселъ, какія ему нужно удержать въ умѣ. Изученіе первобытныхъ народовъ показало, что и они, иногда только съ незначительнымъ видоизмѣненіемъ, пользуются тѣмъ же методомъ». Эти видоизмѣненія заключаются, напримѣръ, въ томъ, что лѣсныя племена Бразиліи вмѣсто того, чтобы считать по пальцамъ, считаютъ по суставамъ пальцевъ. Неудивительно, что и система счета ограничивается у нихъ не числомъ 5 или 10, а числомъ 3. Въ системѣ счета по пальцамъ проф. Конантъ отмѣчаетъ одну интересную частность: среди цивилизованныхъ расъ дѣти имѣютъ нѣкоторое, хотя и слабое, предрасположеніе начинать счетъ съ большого пальца, взрослые начинаютъ съ мизинца. При этомъ, за исключеніемъ лѣвшей, и дѣти, и взрослые ведутъ счетъ съ правой руки. Дикари же начинаютъ съ мизинца лѣвой руки.

Если дѣтямъ и дикарямъ трудно справляться съ общими понятіями и со счетомъ, то немудрено, что такія отвлеченныя идеи, какъ *идея времени*, усваивается ими очень несовершенно. «До идеи времени,—говоритъ Гёффдингъ,—ребенокъ едва ли можетъ добраться раньше 3-хъ лѣтъ». «Дитя,—замѣчаетъ Гюйо,—не различаетъ ясно ни времени, ни мѣста, ни лицъ... Какъ у животнаго, у него нѣтъ истиннаго прошлаго». И дикари, подобно дѣтямъ, заняты только настоящимъ, а не прошлымъ. Многіе при-

митивные языки отличаются полнымъ отсутствіемъ формъ для обозначенія времени, напоминая въ этомъ отношеніи языкъ самыхъ маленькихъ дѣтей.

Интересную иллюстрацію между прочимъ и по этому вопросу даетъ изслѣдованіе г-жи Барнесъ надъ развитіемъ историческаго чутья у дѣтей. Изслѣдованіе это освѣщаетъ и другіе вопросы: содержаніе интересовъ дѣтей, отношеніе ихъ къ дѣйствительности и т. д. Но такъ какъ во всей совокупности, и только въ ней, оно позволяетъ сдѣлать кое-какіе прикладные выводы, то мы предпочитаемъ привести положенія г-жи Барнесъ всѣ вмѣстѣ.

1.250 калифорнійскимъ школьникамъ, въ возрастѣ отъ 8 до 16 лѣтъ, была разсказана исторія «безъ даты, безъ указанія мѣста, имени, безъ морали», и по вопросамъ, самопроизвольно возникавшимъ у дѣтей, судили о сравнительномъ интересѣ ихъ «къ личности, времени, причинѣ и слѣдствію, истинѣ». Главные результаты своего изслѣдованія г-жа Барнесъ сводитъ къ слѣдующему: 1) Всѣ элементы исторіи (время, причина и слѣдствіе, соціальныя условія, единство, вѣрность разсказа истинѣ) на первое время лежатъ внѣ поля дѣтской любознательности. Вопросы же о происхожденіи (кто создалъ насъ, откуда мы?) начинаютъ рано занимать дѣтей. Тѣ же вопросы появляются и у дикарей въ рудиментарной формѣ миѳовъ о происхожденіи, пытающихся дать правдоподобный отвѣтъ на вопросъ о началѣ человѣчества и міра; мѣсто же и время дѣйствія обозначаются въ этихъ миѳахъ крайне неопредѣленно, если только обозначаются вообще. 2) Чувство времени развивается у дикарей по мѣрѣ усовершенствованія у нихъ системы счета при помощи ряда наглядныхъ пособій (пальцы, бирки, веревочки съ узелками и т. д.). У дѣтей это чувство слабо. Едва ли оно слагается ранѣе 12—13 лѣтъ. Для уясненія понятія о времени ребенокъ такъ же, какъ и дикарь, нуждается въ конкретномъ символѣ, который могъ бы дать ему нагляд-

ное указаніе относительно протекшаго промежутка времени. 3) Общее пониманіе причинъ и слѣдствій, зачаточная способность къ умозаключенію есть и у примитивныхъ дикарей, и у малыхъ дѣтей, но выводы, дѣлаемые ими, мало сознательны. Критически отнестись къ выводу дитя не способно ранѣе 12—13 лѣтъ. Только съ этого возраста и раціонально заставлять дѣтей дѣлать всѣ выводы изъ данныхъ положеній. 4) И дикари, и дѣти въ возрастѣ до 10 лѣтъ интересуются въ исторіи не соціальными условіями, а личностями—своими предками, героями, королями. Поэтому въ первое время заинтересовать ребенка исторіей можно лишь сообщеніемъ ему біографій замѣчательныхъ личностей и особенно разсказами объ активныхъ проявленіяхъ жизни (сраженіе, охота, строительство), одинаково увлекательныхъ и для дѣтей, и для дикарей. 5) Дикари проявляютъ склонность къ возможно точному воспроизведенію сказаній, но нисколько не стараются критически установить достовѣрность самаго сказанія. Дѣтей всегда очень занимаетъ вопросъ, правда или нѣтъ то, что разсказываютъ имъ, но они вполнѣ удовлетворяются отвѣтомъ на этотъ вопросъ разсказчика и до 12—13 лѣтъ не проявляютъ тенденціи къ критическому изслѣдованію вопроса.

Неясность идеи времени у дѣтей и дикарей стоитъ въ извѣстномъ отношеніи къ несовершенствамъ *памяти* тѣхъ и другихъ. На эти несовершенства указывали уже очень многіе писатели, устанавливавшіе при этомъ параллелизмъ между недостатками памяти дѣтей и дикарей. По этому поводу Штейнмецъ замѣчаетъ: «Я согласенъ въ общемъ, что память дикаря очень коротка, но при этомъ нужно сдѣлать извѣстную оговорку. Память дикаря приходится признать очень короткой, если считаться съ воспоминаніями объ историческихъ событіяхъ или отдѣльныхъ происшествіяхъ. Но, съ другой стороны, нельзя позабывать удивительныхъ познаній первобытнаго человѣка объ интересныхъ для него растеніяхъ и животныхъ, объ ихъ свой-

ствахъ и привычкахъ, его чудесной памяти по отношенію ко всѣмъ частностямъ тропинокъ и мѣстностей, водопоевъ и пастбищъ животныхъ. Такимъ образомъ память первобытнаго человѣка вовсе не коротка относительно всѣхъ предметовъ, необходимыхъ для него, относительно того, съ чѣмъ приходится ему соприкасаться каждодневно въ борьбѣ за существованіе, относительно всего, наконецъ, что такъ или иначе возбуждаетъ его интересъ». То же, впрочемъ, приходится сказать и о дѣтяхъ: при короткой вообще памяти они однако хорошо запоминаютъ то, что понятнымъ для нихъ образомъ затрогиваетъ ихъ жизненные интересы.

Не велики, какъ мы видѣли, способности ребенка къ отвлеченной мысли. Настолько же малоспособенъ онъ и къ *творческой фантазіи*. У него нѣтъ еще для этого надлежащей умственной энергіи. Если же мысль ребенка поражаетъ подчасъ своимъ фантастическимъ узоромъ, то это происходитъ не отъ силы, а отъ слабости ея. Вслѣдствіе слабости задерживающихъ центровъ мысль дитяти (такъ же, какъ и дикаря) дѣлаетъ совершенно неожиданные скачки, увлекаясь случайными ассоціаціями словъ и идей. Говоря словами Паолы Ломброзо, «дитя не изобрѣтаетъ и не создаетъ ничего новаго, но, будучи крайне впечатлительнымъ, оно необычайно легко переходитъ отъ одного впечатлѣнія къ другому». Другимъ источникомъ фантастичности представленій дѣтей и дикарей является одухотвореніе ими неодушевленной природы, о чемъ приходилось уже говорить выше, а также смѣшеніе въ одну кучу реальныхъ представленій и грезъ. Проявляются иногда, впрочемъ, и нѣкоторые зачатки творческой фантазіи въ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, играхъ, въ которыхъ играющимъ предлагается придумать: «сдѣлать что-нибудь», «сказать что-нибудь» и т. д. Вкусъ къ такимъ изобрѣтеніямъ въ играхъ проявляютъ и дикари, какъ передаютъ, напримѣръ, путешественники, близко знакомые съ бытомъ эскимосовъ, и т. д.

Переходимъ теперь къ *содержанію* мыслей дѣтей и дикарей, къ тому, *надъ чѣмъ* задумываются они.

Изслѣдованія надъ умственными запросами дѣтей показали, что они охватываютъ не только близкое и конкретное, но и отдаленное и отвлеченное. Дѣти ставятъ подчасъ очень сложные вопросы и по-своему, очень примитивно, стараются разрѣшить ихъ. Въ своемъ этюдѣ по *пробужденію самосознанія у дѣтей* Стэнли Голлъ приводитъ слѣдующіе дѣтскіе вопросы: 1) Почему мы живемъ? Живутъ ли животныя, растенія, Богъ и т. д.? Что такое жизнь? 2) Какъ мнѣ выйти изъ своей кожи? Какъ выглядѣлъ бы я безъ своей кожи? Могу ли я выйти изъ своей кожи и дать войти въ нее другому? 3) Почему я Джонъ или Генри? Какъ было бы смѣшно, если бы я былъ Эдуардомъ или Робертомъ. 4) Правда ли все это, или я сплю? Какъ узнать, что это правда? Есть ли я на самомъ дѣлѣ, или это только представляется, все равно какъ у куколъ? 5) Почему я не могу увидѣть, какъ я думаю, когда я закрою глаза? Что я дѣлаю, когда думаю? Что заставляетъ ходить мои ноги? 6) Какъ это я та же самая, какая была маленькой? Почему я не она или онъ не я? Если бы и папа женился на В., то чьей дѣвочкой была бы я? Какъ называлась бы я, если бы моею матерью была С.? 7) Чѣмъ былъ я раньше, чѣмъ появиться на свѣтъ? Вамъ нуженъ былъ мальчикъ, но вы не знали, что это буду я. Я радъ, что папа нашелъ меня раньше другихъ, а то они могли бы подмѣнить меня. 8) Зачѣмъ мы всѣ на свѣтѣ?

Такіе вопросы заключаютъ въ себѣ зародышъ миѳовъ наблюденія и миѳовъ объясненія окружающихъ явленій. Ихъ можно найти и у дикарей, но не у самыхъ примитивныхъ, а у обладающихъ сравнительно высокими умственными способностями (у сѣверо-американскихъ индійцевъ, напримѣръ). Можно найти и на зарѣ цивилизаціи культурныхъ расъ. Напомнимъ хотя бы запросы извѣстнаго нашего «стиха о голубиной книгѣ»:

Отъ чего у насъ начался бѣлый вольный свѣтъ?
Отъ чего у насъ солнце красное?
Отъ чего у насъ младъ свѣтелъ мѣсяцъ?
Отъ чего у насъ звѣзды частыя?
Отъ чего у насъ ночи темныя?
Отъ чего у насъ зори утренни?
Отъ чего у насъ вѣтра буйные?
Отъ чего у насъ дробёнъ дождёкъ?
Отъ чего у насъ умъ-разумъ?
Отъ чего наши помыслы?
Отъ чего у насъ міръ-народъ?
Отъ чего кости крѣпкія?
Отъ чего тѣлеса наши?
Отъ чего кровь руда наша?

Россель Хаскель собралъ не только запросы, но и дѣтскія объясненія занимающихъ ихъ вопросовъ, и эти объясненія невольно напоминаютъ легенды примитивныхъ народовъ на всемъ земномъ шарѣ.

1. (5 или 6 лѣтъ.) Жени спросила: «Отчего люди спятъ?» — «Это отъ маленькихъ волосковъ на рѣсницахъ — отвѣтила Гильда. — Каждый разъ, какъ волоски опустятся на глаза, они и усыпляютъ человѣка».

2. (3 л.) С. была въ кухнѣ, когда мать ея повернула кранъ съ горячей водой. Вода первое время вылетала съ шипѣніемъ и брызгами. «Ахъ, мама, — вскричала дѣвочка:—вода подавилась; смотри, какъ она кашляетъ».

3. (4 л.) Дж., увидѣвши, что вода стекаетъ въ жолобъ, заявилъ: «Вотъ вода, мама, проснулась, а то прошлую ночь она заснула».

4. (5 л.) Мабель съ матерью проходили мимо искривленнаго дерева. «Смотри, мама, дерево садится», сказала дѣвочка.

5. (4 л.) С. сидѣла со мной вечеромъ у дверей и увидѣла, какъ мѣсяцъ показывается изъ-за тучъ. «Смотри, смотри,—закричала она,—мѣсяцъ проснулся». Слѣдующая ночь была облачною. Когда мы подошли къ окну, я спросилъ: «Гдѣ мѣсяцъ сегодня ночью, С.?»—«О, онъ за-

снулъ и еще не проснулся». Затѣмъ, послѣ паузы: «Я думаю, онъ утомился прошлую ночь».

6. (5 или 6 л.) Въ облачный день Л. спросили, отчего небо такъ сѣро? «Отъ золы», былъ отвѣтъ.

7. (5 л. 11 м.) Ребенокъ: «Я знаю, откуда облака: отъ дыма». Онъ ѣхалъ въ вагонѣ и видѣлъ, какъ изъ паровозной трубы поднимался дымъ.

8. (6 л.) Я гулялъ по улицѣ съ Дж. Было холодно, и онъ видѣлъ свое дыханіе. Вглядѣвшись въ него, онъ сказалъ: «Посмотрите, я хорошій: мое дыханіе поднимается къ небу».

9. (7 или 8 л.) Р. заглянулъ въ мою геологію; онъ нашелъ тамъ изображеніе скелета слона и спросилъ, что это такое. «Слонъ». — «Ахъ, да, слонъ безъ платья». И потомъ прибавилъ: «Кожа—его платье».

При сравненіи *эмоціональной* сферы дѣтей и дикарей прежде всего *бросается въ глаза* сходство общаго *типа*. Чувства въ жизни какъ дѣтей, такъ и дикарей играютъ особенно важную роль. Голосъ разсудка еще слабъ, и онъ подчасъ совершенно заглушается голосомъ чувства.

Много сходства и въ *проявленіяхъ* чувства. Это сходство обусловливается какъ одинаковою приблизительно высотой уровня психическаго развитія, такъ (и эта сторона, можетъ быть, особенно интересна) и переживаніями прошлаго. Именно въ области чувствъ и наклонностей, этой наиболѣе интимной сторонѣ человѣческой природы, всего упорнѣе сохраняются переживанія прошлаго. Вопроса о проявленіи атавизма въ дѣтскихъ наклонностяхъ намъ приходилось уже касаться въ замѣткѣ о преступныхъ наклонностяхъ дѣтей [1]). Чтобы не повторяться, мы не будемъ возвращаться къ преступнымъ наклонностямъ дѣтей вообще, остановимся нѣсколько подробнѣе только на атавизмѣ *жестокости*.

Атавистическія проявленія жестокости, представляющія-

[1]) „Вѣстникъ Воспитанія“, 1901 г., № 7.

ся пережитками жестокости и мстительности нашихъ отдаленныхъ предковъ, замѣчаются и у взрослыхъ, но въ не меньшей, если не въ большей, степени наблюдаются они у дѣтей. «Этотъ возрастъ не знаетъ жалости», говоритъ еще Ла-Фонтенъ.

Не всѣ, впрочемъ, проявленія дѣтской жестокости должны быть отнесены къ атавизму. И помимо этого, ребенокъ проявляетъ жестокость,—жестокость, правда, большею частью совершенно безсознательную, зависящую главнымъ образомъ отъ того, что онъ не сознаетъ послѣдствій своихъ поступковъ. Часто къ жестокому мучительству животныхъ его толкаетъ духъ пытливости, желаніе узнать, что выйдетъ изъ этого, желаніе изслѣдовать свой объектъ вообще. Извѣстная степень жестокости даже нормальна, по мнѣнію Эллиса, для здороваго ребенка.

Интересно, что такая же безсознательная, чуть ли не добродушная жестокость очень характерна и для дикарей, представляющихъ въ этомъ отношеніи полную аналогію ребенку. «Когда я,—разсказываетъ извѣстный изслѣдователь быта австралійскихъ дикарей, Лумгольцъ,—жилъ въ долинѣ Герберта, одна женщина принесла мнѣ для продажи птицу, у которой она выщипала перья изъ крыльевъ и хвоста. Она хохотала и смѣялась надъ бѣдной птицей, которая не могла улетѣть. Туземцы часто проявляли жестокость по отношенію къ пойманнымъ ими птицамъ и животнымъ, хотя причиненіе боли и не входило въ ихъ намѣренія. Ихъ очень забавляло зрѣлище отчаянныхъ попытокъ, какія дѣлали, чтобы уйти, лишенныя органовъ движенія животныя. Обыкновенно они сразу убиваютъ животныхъ, но не для того, чтобы избавить ихъ отъ мученій, а чтобы уже навѣрняка завладѣть своею добычей».

Но помимо жестокости отъ непониманія и жестокости, вызываемой духомъ пытливости, есть у дѣтей и атавистическая жестокость. Она является пережиткомъ наклонностей, созданныхъ состояніемъ вѣчной войны у нѣкоторыхъ изъ примитивныхъ народовъ. При этомъ, какъ по-

казали интересныя изслѣдованія д-ра Борка надъ наклонностями дѣтей дразнить и драться, можно провести аналогію не только между различными играми дѣтей въ войну, набѣгами и буйствами ихъ и войнами дикарей, но также и между тѣми униженіями, какимъ подвергаются проигравшіе въ игрѣ, и тѣми, которымъ подвергались у дикарей юноши при принятіи ихъ въ число зрѣлыхъ мужей, иностранцы при допущеніи ихъ въ число согражданъ и т. п.

Такими же пережитками прошлаго являются въ значительной степени различные *страхи* дѣтскаго возраста, особенно такъ наз. инстинктивные страхи. «То, что мы называемъ инстинктомъ,—говоритъ *Моссо*,—является голосомъ прошлыхъ поколѣній, отражающимся, подобно отдаленному эхо, въ клѣточкахъ нашей нервной системы. Мы какъ бы чувствуемъ совѣты нашихъ предковъ, начиная отъ тѣхъ, которые жили въ вѣчной борьбѣ съ дикими звѣрями...» «Теперь ночь,—замѣчаетъ д-ръ *С. Голлъ*,—самое безопасное время. Змѣи не являются больше нашими фатальными врагами, и большинство страховъ по отношенію къ животнымъ не соотвѣтствуетъ уже настоящимъ условіямъ культурной жизни; чужеземцы обыкновенно вовсе не опасны; страхи предъ небесными явленіями соотвѣтствуютъ тому небу, какимъ представляло его прежнее суевѣріе, а не тому, какимъ знаетъ его современная наука. Боязнь погоды и постоянные толки о погодѣ подходятъ къ условіямъ жизни въ лѣсу, пещерахъ, шалашахъ или, по крайней мѣрѣ, въ жилищахъ, не защищенныхъ отъ жара, холода, бури, а не къ нынѣшней жизненной обстановкѣ. Первое знакомство съ водой, умѣренный шумъ вѣтра, отдаленный громъ и т. д. могутъ вызвать слабый страхъ, но почему же они внушаютъ иногда дѣтямъ паническій ужасъ? Только переживаніями эмоцій прошлаго и можно объяснить всѣ подобные страхи. Изъ приводимыхъ Голломъ примѣровъ этихъ страховъ наиболѣе интересны слѣдующіе:

1. *Боязнь тѣсныхъ пространствъ*, боязнь быть придавленнымъ, задушеннымъ и т. д. Нѣкоторые изъ такихъ страховъ восходятъ, по своему началу, къ самымъ первобытнымъ формамъ жизни, тогда какъ другіе могутъ быть поставлены въ связь съ привычками, развившимися при «безпредѣльныхъ» скитаніяхъ номадовъ и т. п.

2. *Боязнь воды.* Нѣкоторые изъ этихъ страховъ могутъ считаться «чисто инстинктивными слѣдами того далекаго времени, когда наши отдаленные предки оставили море и выбрали своимъ постояннымъ жилищемъ землю».

3. *Боязнь вѣтра.* Повидимому, вѣтеръ раньше, чѣмъ что-либо другое вызвалъ въ первобытномъ человѣкѣ мысль о существованіи невидимаго духовнаго міра. Затѣмъ, можетъ быть, сказываются у дѣтей и пережитки страха предъ бурями, такъ опасными когда приходилось жить подъ открытымъ небомъ.

4. *Боязнь атмосферическихъ явленій.* Въ душѣ ребенка можно найти «изобильныя переживанія страха предъ демоническими существами, которыми первобытный человѣкъ населялъ облака, туманъ и всѣ явленія дня и ночи. «У дѣтей, а иногда и у взрослыхъ сохраняются эти страхи прошлыхъ временъ, бывая подчасъ даже паническими».

5. *Боязнь темноты.* Хотя нѣкоторыя дѣти совершенно свободны отъ этого страха, но у другихъ слишкомъ часто проявляются «сильные и разнообразные страхи разныхъ чудовищъ, несчастій, страшныхъ людей, злыхъ духовъ, которые подстерегаютъ дѣтей во мракѣ».

6. *Боязнь животныхъ.* Здѣсь особенно сказываются проблески такихъ рефлексовъ, слѣды такого физическаго состоянія и актовъ, объяснить вполнѣ которые не можетъ ни индивидуальная жизнь ребенка, ни современныя условія. Боязнь кошки, собаки, коровы и т. д. восходитъ къ эпохѣ приручения этихъ животныхъ, тогда какъ появленіе боязни предъ гадами, особенно предъ змѣями должно быть отнесено къ эпохѣ еще болѣе ранней.

7. *Боязнь мѣха.* И любовь къ мѣху, и боязнь его

«такъ сильны и инстинктивны, что не могутъ быть вполнѣ объяснены, если не принять во вниманіе того отдаленнаго времени, когда человѣку приходилось гораздо больше и ближе сталкиваться съ животными, чѣмъ теперь».

8. *Боязнь духовъ.* Приходится допустить, что многіе изъ этихъ страховъ возникли въ ранній періодъ жизни человѣчества. Они унаслѣдуются отъ нашихъ дикихъ предковъ и сказываются иногда съ такою силой, что заставляютъ подчасъ даже образованнаго человѣка бояться привидѣній.

Страхъ, замѣчаетъ Стэнли Голлъ, былъ великимъ учителемъ расы, и болѣе боязливый, бывшій часто и болѣе мудрымъ, выживалъ больше, чѣмъ другіе, въ значительной степени благодаря внушеніямъ прошлаго. Страхъ, можетъ быть, былъ первой попыткой расы воспользоваться опытомъ прошлаго, и изъ страха постепенно возникли и извѣстные элементы знанія.

Изъ чувствъ болѣе высшаго порядка наибольшій интересъ представляютъ этическія,—опредѣляющія главнымъ образомъ идеалы, наиболѣе достойныя человѣка цѣли,—и эстетическія чувства дѣтей и дикарей.

Въ области *идеаловъ* дѣтей и дикарей замѣчается сходство прежде всего въ томъ отношеніи, что это идеалы не отвлеченнаго, а конкретнаго, личнаго свойства. Они рисуютъ типъ человѣка, на котораго хотѣлось бы походить. Черты этого типа тоже представляютъ сходство у дѣтей и дикарей: это типъ человѣка съ большою двигательною энергіей. Предпочтеніе именно такого типа можно объяснить тѣмъ, что самый типъ дитяти, какъ и типъ дикаря, есть по преимуществу типъ *двигательный*.

На дѣтскихъ идеалахъ намъ приходилось уже останавливаться въ статьѣ «Соціальныя воззрѣнія дѣтей» (*Вѣстникъ Воспитанія* 1900 г., № 5) и замѣткѣ «Идеалы дѣтей» (*В. В.* 1901 г., № 4). Интересно сравнить съ ними идеалы дикарской и варварской стадіи развитія человѣчества. «Первый богъ и первый поэтъ,—говоритъ Чемберленъ,—были «дѣлателями», создателями, и великіе герои

первобытныхъ народовъ всегда были ремесленниками, художниками, выдѣлывавшими различные предметы, творившими, работавшими. На языкѣ многихъ народовъ «богъ» обозначаетъ просто «творецъ, создатель, составитель, строитель». На языкѣ индійцевъ Гватемалы Высшее Существо называется *Bitol*, существительная форма отъ *bit*—дѣлать, создавать, и *Tzakol*, существительная форма отъ *tzak*—строить. Американскія легенды о твореніи изображаютъ бога великимъ художникомъ, создавшимъ людей (и животныхъ) изъ глины, высѣкшимъ ихъ изъ камня или вырѣзавшимъ изъ дерева или передѣлавшимъ ихъ, наконецъ, изъ существовавшихъ уже предметовъ, растеній и животныхъ. Нѣкоторыя изъ такихъ способностей творенія приписываются и первымъ людямъ».

Что касается *эстетическихъ эмоцій*, то никто не сомнѣвается, что простѣйшія изъ нихъ доступны всѣмъ дикарямъ. Яркія краски, красивыя линіи доставляютъ всѣмъ имъ большое удовольствіе. Любовь къ красивому объясняетъ повсемѣстное распространеніе среди дикарей страсти къ украшенію собственнаго тѣла и различнаго рода предметовъ обихода. Украшенія въ видѣ линій и рисунковъ находимъ на предметахъ, принадлежащихъ еще доисторическому человѣку. Любимыя оружіе и орудія у всѣхъ дикарей, отъ самыхъ первобытныхъ до высоко стоящихъ, украшаются очень прихотливыми, подчасъ весьма изящными узорами. Очень распространена также любовь къ цвѣтамъ. Особенно часто украшаютъ ими свои головы жители Полинезіи, а также нѣкоторыя изъ индійскихъ племенъ. Уже по воспріимчивости къ этимъ простѣйшимъ эстетическимъ чувствамъ дѣти, повидимому, стоятъ ниже дикарей. Паола Ломброзо, присоединяясь къ мнѣнію Perez, что «дѣти очень мало воспріимчивы къ истинно эстетическимъ волненіямъ», пишетъ: «нѣкоторыя картины природы, нѣкоторыя произведенія искусства поражаютъ ихъ, но не глубоко, вообще ихъ могутъ волновать лишь такія вещи, съ которыми они знакомы по непосредствен-

ному опыту. Въ собраніи Бюиссона, напримѣръ, заключающемъ болѣе 200 описаній или придуманныхъ разсказовъ, составленныхъ дѣтьми въ возрастѣ отъ 6 до 12 лѣтъ, заключается очень мало фразъ, которыя указывали бы на чувство изящнаго, на извѣстную воспріимчивость къ красотѣ».

Особенно мало доступны дѣтямъ такія сложныя эстетическія эмоціи, какъ чувство красоты природы. Нѣкоторые авторы полагаютъ, что такъ же, какъ и дѣтямъ, величіе и красота природы не доступны и «низшимъ» расамъ. Такъ *Гёффдингъ* безъ колебаній устанавливаетъ, что «какъ правило, дѣти и дикари не имѣютъ чутья къ красотамъ природы». *Рибо* указываетъ на то, что «въ первобытной поэзіи на первомъ планѣ всегда—человѣкъ, природа не болѣе какъ аксесуаръ: самое краткое описаніе, какой-нибудь эпитетъ, и—довольно. «Умъ дикаря,—думаетъ онъ,—слишкомъ бѣденъ, а потому дикарь слѣпъ къ красотамъ природы». Тоже и ребенокъ: «Дитя, очень живо чувствующее пріобрѣтеніе или потерю игрушки, остается, вслѣдствіе своей интеллектуальной бѣдности, совершенно равнодушнымъ при видѣ величественнѣйшихъ картинъ природы».

Мнѣнія эти справедливы по отношенію къ дѣтямъ, но противорѣчатъ фактамъ изъ жизни дикарей. «Даже дикій человѣкъ, — говоритъ *Ратцель* («Народовѣдѣніе» т. I, стр. 48, рус. изд.),— всего болѣе исполненный предразсудковъ, надѣленный самымъ узкимъ кругозоромъ, испытываетъ впечатлѣніе отъ радуги, представляющейся ему небеснымъ мостомъ, отъ шума моря, отъ шелеста лѣса, отъ кипѣнія ключа. Дикіе народы знаютъ о паденіи метеоровъ, о чемъ говорятъ ихъ преданія; они называютъ погребенные въ землѣ каменные топоры громовыми стрѣлами, челнокъ съ трупомъ они сталкиваютъ въ волны, на темные лѣса налагаютъ табу и въ каждомъ ручьѣ предполагаютъ присутствіе духа. Во всѣхъ этихъ случаяхъ поэзія и религія переплетаются своими корнями, и со-

вершенно излишнимъ кажется вопросъ—обладаютъ ли эти народы *чувствомъ природы*».

Въ «горныхъ пѣсняхъ» наваховъ, любовныхъ поэмахъ микмаковъ, алгонкиновъ и другихъ индійскихъ племенъ суроваго сѣвера Америки, даже въ любовныхъ пѣсняхъ горно-африканскихъ готтентотовъ сказывается несомнѣнная любовь къ природѣ. «Въ миѳахъ ново-мексиканскихъ индійцевъ, въ легендахъ полинезійцевъ мы встрѣчаемся,—говоритъ Чемберленъ,—съ блестящими красотами временъ года, жизнью звѣрей, птицъ, насѣкомыхъ, красотой растеній и ихъ цвѣтовъ, шумомъ текучихъ водъ, музыкой моря, съ розовой зарей, сверкающею звѣздами ночью и т. д.».

О тѣхъ же ново-мексиканскихъ индійцахъ одна изъ изслѣдовательницъ ихъ (Стевенсонъ) говоритъ: «Природа производитъ на индійца глубокое впечатлѣніе. Каждый предметъ обладаетъ для него духовною жизнью: и небесныя явленія, и горы, и скалы, и растенія на землѣ, и сама земля выглядятъ для него совершенно иначе, чѣмъ для насъ. Крѣпкая сосна, нѣжное молодое деревцо, ароматный цвѣтокъ, исполинская скала и крошечные голыши—все это занимаетъ подобающее ему мѣсто въ мистическомъ мірѣ первобытнаго человѣка».

Въ своемъ очеркѣ поэзіи туземныхъ американскихъ племенъ д-ръ Бринтонъ даетъ такой отзывъ объ одномъ изъ племенъ, живущихъ въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, именно объ эскимосахъ: «Нѣкоторыя изъ ихъ поэтическихъ произведеній показываютъ, какъ глубоко и вѣрно воспринимаютъ они величественныя красоты своей страны и климата. Въ особенности часто въ ихъ сказаніяхъ и пѣсняхъ встрѣчаются: сверкающее и пестрое сѣверное сіяніе, въ колеблющихся лучахъ котораго ихъ сказки видятъ души почившихъ героевъ; млечный путь, переливающійся на небѣ въ безмолвную арктическую ночь,—путь, представляющійся имъ мостомъ, по которому души добрыхъ и мужественныхъ людей восходятъ въ мѣста радости; мощный разламывающійся ледникъ, отъ обры-

вистаго края котораго откалываются ледяныя горы, плавающія по безпредѣльному океану».

Какъ созданія, главнымъ образомъ, ихъ *эмоціональной* природы, а отчасти какъ результаты стремленія приложить къ дѣлу избытокъ двигательной энергіи, уже у дикарей и у дѣтей возникаютъ *искусства*, особенно живопись, музыка, поэзія.

Выше мы говорили уже о страсти дикаря къ рисункамъ и различнаго рода орнаментамъ. Эти рисунки дикаря въ нѣкоторомъ, но именно только въ нѣкоторомъ, отношеніи напоминаютъ дѣтскіе. Главное сходство заключается въ томъ, что дикари такъ же мало знамомы съ перспективой, какъ и дѣти, и такъ же часто, какъ и они, погрѣшаютъ противъ пропорцій. Но, съ другой стороны, рисунки дикаря показываютъ несравненно большую наблюдательность его, гораздо болѣе значительный навыкъ руки и подчасъ замѣчательно реально воспроизводятъ дѣйствительность. Дѣтей занимаютъ не столько результаты акта рисованія, сколько самый актъ. Рисунки же ихъ являются скорѣе символами предмета, чѣмъ реальнымъ воспроизведеніемъ его. Раньше всего ребенокъ начинаетъ обыкновенно изображать человѣка (руки и ноги, остальное начинаетъ изображаться попозже, часто не ранѣе 7—8 лѣтъ).

При этомъ цѣлью своего рисунка ребенокъ какъ бы ставитъ не изображеніе, а описаніе человѣка, только вмѣсто словъ употребляются знаки. Въ какомъ бы положеніи ни рисовался человѣкъ, непремѣнно должны быть нанесены всѣ его признаки: пара ногъ, рукъ, глазъ, ушей, такъ что даже при рисункѣ въ профиль рисуется иногда два глаза. Подчасъ, при смѣшеніи рисунка въ профиль и en face, съ боку дорисовывается дополнительный носъ. Умъ ребенка гораздо въ большей степени, чѣмъ умъ дикаря, поддается вліянію частностей, а не цѣлаго, и тамъ, гдѣ мужчины курятъ трубку, каждый ребенокъ изобразитъ при мужчинѣ его символъ—трубку. Большое также впе-

чатлѣніе производятъ, а потому запечатлѣваются на рисункѣ какіе-либо случайные факты. Предложите дѣтямъ нарисовать лошадь, и если предъ этимъ имъ пришлось увидѣть на улицѣ упавшую лошадь, то 80% нарисуетъ лошадь упавшей. Если на дворѣ идетъ снѣгъ, то они будутъ рисовать лошадь съ бѣлыми снѣжными пятнами и т. д.

Музыка по времени своего возникновенія среди человѣчества, быть можетъ, еще древнѣе, чѣмъ живопись. Начало ея теряется въ доисторическомъ времени. Она вытекла изъ танца, а танецъ, говоритъ майоръ Поуэль, «коренится въ физической конструкціи человѣка, онъ является выраженіемъ радости животнаго бытія». Ритмъ движенія въ танцахъ мало-по-малу приводитъ къ ритмической передачѣ душевныхъ волненій. Характерными танцами дикихъ и варварскихъ народовъ (оставляя въ сторонѣ позднѣйшія военныя пляски) были веселые круговые танцы, въ родѣ хороводовъ. Тотъ, кто велъ хороводъ, запѣвалъ пѣсню, остальные подхватывали припѣвъ. Запѣвало постепенно проявлялъ все больше самостоятельности, давая, сообразно своему настроенію, новыя темы и новые напѣвы. Такъ искусство танцевъ сопровождалось развитіемъ поэзіи и мелодіи.

Но и помимо танцевъ, любовь къ пѣнію у дикаря, быть можетъ, еще сильнѣе, чѣмъ у дитяти. «Для хмураго стараго туземца,—говоритъ сэръ Георгъ Грей объ австралійцахъ,—его пѣсня то же, что табакъ для моряка; если онъ сердитъ, онъ поетъ; если онъ радъ—тоже; если онъ голоденъ, онъ поетъ; если онъ сытъ, конечно, не на столько, чтобы впасть въ оцѣпенѣніе, онъ поетъ веселѣе, чѣмъ когда бы то ни было». Первобытные народы необыкновенно воспріимчивы къ музыкѣ. Валлашекъ говоритъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ музыка причиняетъ имъ физическое мученіе и дѣлаетъ неспособными къ труду на цѣлые дни. По поводу с.-американскихъ индійцевъ Алиса Флетчеръ пишетъ: «Нѣтъ ни одного явленія въ ихъ жизни, которое не нашло бы своего выраже-

нія въ пѣснѣ; въ ней объединяется религіозный ритуалъ; благоговѣйная признательность за созданіе маиса, съѣдобныхъ животныхъ, силъ воздуха, животворнаго солнца передается въ мелодическихъ строфахъ отъ одного поколѣнія къ другому; пѣсня воодушевляетъ воина къ героическимъ дѣяніямъ и лишаетъ смерть ея ужасовъ; она провожаетъ душу въ загробный міръ и утѣшаетъ тѣхъ, кто остался въ траурѣ; дѣти слагаютъ пѣсенки для своихъ игръ, а у юношей музыка пробуждаетъ воодушевленіе при ихъ состязаніяхъ; влюбленный пѣсней прокладываетъ себѣ дорогу къ сердцу дѣвушки, а старикъ мелодіей призываетъ тѣ силы, которыя могутъ прогнать смерть. Музыка является также средствомъ, при помощи котораго человѣкъ поддерживаетъ сношенія со своей душой и съ тѣми невидимыми силами, которыя блюдутъ за его судьбой». Говоря словами Валлашека, «первобытная музыка является не отвлеченнымъ искусствомъ, но (въ связи съ танцами и пантомимами) она входитъ въ необходимѣйшій жизненный обиходъ (война, охота), подготовляя и поддерживая силу и ловкость во время мира».

Тѣ простѣйшія формы жизни человѣчества, когда танцы, музыка и поэзія идутъ рука объ руку, напоминаютъ самопроизвольные танцы и пѣсни дѣтей. «Когда дитя,— говоритъ Чемберленъ,—танцуетъ отъ радости, получивши подарокъ, или, чтобы возбудить въ себѣ мужество, свиститъ, проходя по темному лѣсу или по пустынной тропѣ, оно воспроизводитъ тотъ періодъ расовой жизни, когда танцовали предъ богами, и били въ барабаны предъ ними, и свистали въ дудки, и трубили въ рога, пока не стихалъ, наконецъ, вѣтеръ, не успокаивалась буря, не переставала сверкать молнія, не умолкалъ громъ, не уходила назадъ въ море волна, и тогда снова всѣ соединялись въ веселый и радостный хороводъ».

Въ связи съ вопросомъ о дѣтской музыкѣ кстати упомянуть и о дѣтскихъ *играхъ*, тѣмъ болѣе, что тѣ изъ дѣтскихъ игръ, которыя сопровождаются ритмическими формулами,

иногда совершенно безсмысленными словами, передаваемыми отъ поколѣнія къ поколѣнію, являются пережитками древнихъ хороводовъ, а самыя формулы представляютъ пережитки мистическихъ формулъ, имѣвшихъ нѣкогда таинственный смыслъ и для взрослаго населенія.

Что касается переживаній, то они замѣчаются не только въ играхъ, но и въ *игрушкахъ*. Различныя трубы, дудки и свистки, являющіеся у дикарей обихъ полушарій инструментами торжественнаго или магическаго значенія при всякихъ церемоніяхъ,—самыя распространенныя игрушки среди дѣтей цивилизованныхъ расъ. Распространены они, впрочемъ, въ видѣ дѣтскихъ игрушекъ и у тѣхъ дикарей, у которыхъ потеряли свое магическое значеніе (у эскимосовъ, напримѣръ, а также на Гавайскихъ и нѣкоторыхъ другихъ островахъ Полинезіи). Запусканіе летучаго змѣя у насъ исключительно дѣтская забава, на многихъ Полинезійскихъ островахъ (Гавайскихъ, Новой Зеландіи, Соломоновыхъ и др.) является величайшимъ наслажденіемъ для взрослаго туземнаго населенія.

Но нѣкоторыя изъ дѣтскихъ игрушекъ и всегда были таковыми. Такъ, если нѣкоторыя изъ куколъ и могутъ разсматриваться, какъ пережитокъ фетишей или идоловъ, то другія, несомнѣнно, существуютъ въ видѣ игрушекъ у дикарей и были распространены также и въ древнія времена. Были онѣ у римлянъ, у древнихъ перувіанцевъ, у египтянъ. Были большіе рынки игрушекъ, и ту же роль, какъ теперь Нюрнбергъ, въ древности играли Сарды въ Малой Азіи.

На ряду съ традиціонными играми дѣтей, передаваемыми отъ поколѣнія къ поколѣнію съ незапамятныхъ временъ, есть множество игръ, изобрѣтаемыхъ самими дѣтьми. Послѣднія игры стоятъ въ такомъ же отношеніи къ традиціоннымъ, въ какомъ, говоря словами Паолы Ломброзо, импровизація стоитъ къ письменной традиціи. Дѣтскія дарованія гораздо больше сказываются въ этихъ

импровизованныхъ, чѣмъ въ традиціонныхъ играхъ, распространенныхъ съ ничтожными видоизмѣненіями по всему міру. Дѣтская душа наиболѣе полно проявляется въ играхъ, и любопытно, что въ этой наиболѣе дорогой для дѣтей области заключается наибольшее число точекъ соприкосновенія между дѣтьми всѣхъ странъ и расъ. Многіе путешественники отмѣчали уже ту легкость, съ какою дѣти европейцевъ вовлекаются въ игры дѣтей дикарей. Здѣсь происходитъ обратное тому, что замѣчается относительно взрослаго населенія. У взрослаго дикаря проявляется подчасъ непреодолимая потребность подражать дѣйствіямъ бѣлаго пришлеца. Дѣти же бѣлыхъ, попавши въ обстановку примитивной жизни и освободившись отъ стѣснительныхъ запретовъ своихъ цивилизованныхъ родителей, охватываются иногда страстнымъ желаніемъ (какъ показываютъ, напримѣръ, наблюденія г-жи Ринкъ надъ играми своихъ дѣтей среди эскимосовъ) поступать такъ же, какъ и ихъ товарищи по играмъ. Одно соприкосновеніе съ областью игръ сближаетъ дѣтей всего міра.

Намъ осталось сказать нѣсколько словъ еще объ одной сторонѣ психики дѣтей и дикарей, именно о *волевой сферѣ*.

Въ области *двигательныхъ* импульсовъ несомнѣнно можно констатировать значительное сходство между дѣтьми и дикарями: и тѣ, и другіе являются по преимуществу представителями двигательнаго типа. Намъ приходилось уже писать по этому поводу въ статьѣ «Идеи Фребеля»: «Ребенка (и дикаря, прибавимъ теперь), какъ это отмѣтили Балдвинъ, Трэси и др., интересуютъ главнымъ образомъ не предметы, а движенія. Его словарь, такъ же, какъ и словарь первобытнаго человѣка (о чемъ свидѣтельствуютъ филологическія изысканія Макса Мюллера), гораздо богаче глаголами, чѣмъ существительными, нарѣчіями, чѣмъ прилагательными (наблюденія Трэси). Въ

періодъ ранняго дѣтства особенно быстро развиваются тѣ участки мозга, которые завѣдываютъ двигательными функціями». То же, повидимому, имѣетъ мѣсто и для дѣтства расы, для дикарскаго состоянія.

Менѣе безспорнымъ представляется другой вопросъ, именно вопросъ о развитіи *задерживающихъ* центровъ. Они, несомнѣнно, очень слабо развиты у дѣтей. Но такъ же ли слабы они и у дикарей?

Общепринято изображать дикаря существомъ крайне импульсивнымъ, дѣйствія котораго опредѣляются настроеніемъ минуты и нисколько не регулируются соображеніями о послѣдующемъ, мыслью о завтрашнемъ днѣ. Такая характеристика въ значительной степени справедлива по отношенію къ низшимъ дикарямъ. Огульное же примѣненіе ея ко всѣмъ дикарямъ вообще противорѣчитъ фактамъ. Даже тѣ дикари, «непостоянство» и «импульсивность» которыхъ вошли чуть-что не въ поговорку, стоятъ выше своей славы.

Болѣе, чѣмъ что-либо другое, внѣшнимъ фактамъ соотвѣтствуетъ, пожалуй, обвиненіе дикаря въ непредусмотрительности. Но и эту «непредусмотрительность» д-ръ Босъ, близко знакомый съ бытомъ дикарей, склоненъ объяснять не недостаткомъ воли, не неумѣніемъ заставить себя дѣйствовать опредѣленнымъ образомъ, подъ вліяніемъ соображеній о завтрашнемъ днѣ, а крайнимъ оптимизмомъ дикаря. «Почему мнѣ не имѣть удачи завтра, если я имѣлъ ее сегодня?» является руководящимъ соображеніемъ дикаря. Если у него есть удача, то онъ вѣритъ, что его боги всегда дадутъ ему ее. Когда миссіонеры убѣждали думаговъ на Филиппинскихъ островахъ осѣсть на мѣстѣ и заготовить запасы для будущаго, то тѣ отвѣтили, что ихъ религія запрещаетъ имъ заботиться о завтрашнемъ днѣ, и что они вполнѣ полагаются на своихъ добрыхъ боговъ. Многимъ же низшимъ дикарямъ не приходитъ даже въ голову заботиться о «завтра» уже потому, что они, какъ дѣти, не знаютъ о немъ. Все

время для нихъ не болѣе, какъ длинное сегодня. Въ этомъ отношеніи такіе дикари совершенно напоминаютъ ту маленькую дѣвочку, которая, послѣ того, какъ ей обѣщали сдѣлать подарокъ завтра, черезъ нѣсколько минутъ заявила: «сегодня уже завтра».

Что касается *необузданности* дикаря, то она сводится большею частью къ способамъ проявленія своихъ страстей, къ несоблюденію тѣхъ внѣшнихъ формъ и приличій, которыя приняты въ цивилизованномъ обществѣ. Но это еще не можетъ служить основаніемъ для характеристики психологическаго типа дикаря. Тотъ же неистовый и необузданный дикарь превосходно обуздываетъ свои страсти въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требуютъ обычаи страны. Что онъ дѣйствительно можетъ контролировать свои дѣйствія, только контролируетъ ихъ по другимъ поводамъ, чѣмъ мы, доказывается соблюденіемъ имъ иногда очень сложныхъ обрядовъ, религіозныхъ постановленій, самоограниченій въ вопросѣ о бракѣ, спокойною выносливостью при всякихъ мученіяхъ въ плѣну, при принятіи въ число зрѣлыхъ людей, особенно же соблюденіемъ такъ называемаго *табу*. «Табу»—это система ограниченій, «охватывающая, какъ говоритъ Бринтонъ, всѣ области первобытной жизни. Она запрещаетъ пользоваться извѣстными видами пищи и одежды; она дѣлаетъ недоступной извѣстныя священныя пространства; она кладетъ запреты на нѣкоторыя формы брака и т. д. За нарушеніе *табу* грозитъ гнѣвъ боговъ, могущихъ наказать преступника даже смертью». И дикарь свято чтитъ это табу. Привычка къ его соблюденію развивается подъ вліяніемъ и индивидуальнаго, и расоваго воспитанія. Самыя низшія расы, по изысканіямъ Гартленда, знаютъ табу или въ самой простѣйшей формѣ, или совершенно не соблюдаютъ его. Но, не говоря уже о полинезійцахъ, даже низко стоящіе въ умственномъ отношеніи австралійцы строго соблюдаютъ этотъ обычай. Curr часто наблюдалъ во время своего пребыванія въ Австраліи, что, какъ бы

ни былъ голоденъ австралійскій мальчикъ, онъ никогда не дотронется до мяса эму и другихъ запретныхъ для него птицъ и животныхъ. И это даже на охотѣ глазъ на глазъ съ однимъ бѣлымъ, когда можетъ быть увѣреннымъ, что никто не узнаетъ о его поступкѣ. «Что заставляетъ его быть такъ неуклонно вѣрнымъ обычаямъ страны? — спрашиваетъ себя Сиггъ и отвѣчаетъ:— «*воспитаніе*. Чернокожій съ дѣтства воспитывается въ убѣжденіи, что отступленіе отъ обычаевъ племени непремѣнно повлечетъ за собой, по крайней мѣрѣ, какое-нибудь несчастіе: раннее одряхлѣніе, болѣзнь глазъ или кожи, слабость, но еще чаще можетъ постигнуть прямо смерть. И боязнь всего этого настолько внѣдряется въ умы даже дѣтей, что подавляетъ всякое желаніе попробовать запретной пищи или сдѣлать что-либо подобное».

Мнѣнію о недостаткѣ усидчивости у дикаря противорѣчитъ такъ же тотъ громадный и усидчивый трудъ, который вкладывается дикаремъ въ изготовленіе своихъ орудій и оружія, утвари и т. д. Дикарь, правда, не проявляетъ усидчивости по отношенію ко многому изъ того, въ чемъ бываетъ очень усидчивымъ бѣлый, но это часто зависитъ только отъ различной оцѣнки ими извѣстныхъ группъ явленій: важное для бѣлаго часто совершенно не важно и не заслуживаетъ упорнаго труда по мнѣнію дикаря.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ между ребенкомъ и дикаремъ можно провести полную почти аналогію, въ другихъ отношеніяхъ дитя выше дикаря и въ третьихъ—дикарь выше ребенка. Съ извѣстными ограниченіями можно сказать, что дитя—это дикарь, а дикарь—дитя, но въ то же время дитя болѣе, чѣмъ дикарь, и дикарь болѣе, чѣмъ дитя.

При благопріятныхъ условіяхъ дикарскія свойства ребенка не остаются его вѣчнымъ достояніемъ; различныя формы атавизма не являются для нормальнаго ребенка роковымъ наслѣдіемъ, первороднымъ грѣхомъ, который вѣчно тянулъ бы его къ прошлому. Наоборотъ, все у него

въ будущемъ. Но есть ли также будущее и у дикаря, этого большого ребенка? Суждено ли ему вѣчно остаться въ дѣтскомъ состояніи или, наконецъ, и ему удается дорасти до зрѣлаго возраста? Есть нѣкоторые факты, наводящіе на печальныя размышленія: и гибель низшихъ цивилизацій при столкновеніи съ высшими, и пріостановка умственнаго развитія, которая неоднократно отмѣчалась для чернокожихъ школьниковъ, блестяще начинавшихъ курсъ ученія и затѣмъ быстро тупѣвшихъ, и случаи возвращенія въ дикарское состояніе дикарей, освоившихся было съ культурною жизнью. Но во всемъ этомъ едва ли есть что-либо роковое. Низшія цивилизаціи гибнутъ обыкновенно при соприкосновеніи съ высшими оттого, что дикарямъ приходится сталкиваться не съ истинными носителями цивилизаціи, а съ подонками ея, пользующимися своей болѣе высокой техникой лишь для эксплоатаціи и истребленія дикарей. Подняться сразу на одинаковый уровень съ бѣлымъ человѣкомъ для дикаря, стоящаго на низкой ступени культуры, быть можетъ, и трудно; быть можетъ, для этого потребуется переработка не одного, а нѣсколькихъ поколѣній. Но и только. Лишь бы это была надлежащая переработка, правильное воспитаніе, при томъ не школьное только, а соціальное, и тогда возможно замѣчательное прогрессированіе типа. Такъ, новозеландскіе маори, въ началѣ XIX вѣка дикіе людоѣды, теперь выдвинули изъ своей среды представителей въ новозеландскій парламентъ, съ честью исполняющихъ свои обязанности. Они принимаютъ самое живое и разумное участіе въ дебатахъ, особенно по вопросамъ, затрогивающимъ интересы маори. Бенжаменъ Киддъ имѣлъ полное право замѣтить по поводу этого народа: «хотя они постепенно и исчезаютъ предъ натискомъ болѣе сильной расы, съ какой имъ пришлось столкнуться, но они не проявили ни малѣйшей *интеллектуальной* неспособности къ усвоенію европейскихъ идей или къ успѣхамъ въ любой отрасли европейской науки».